

RU

Утопия и патернализм в аграрной России: традиции и современность. Часть II: 30-е гг. XX в. – настоящее время

Козлов С. А.

Аннотация. Данная статья является второй частью публикации: Козлов С. А. Утопия и патернализм в аграрной России: традиции и современность. Часть I: конец XVII в. – 30-е гг. XX в. // Манускрипт. 2023. Т. 16. Вып. 3. В первой части был представлен подробный анализ взаимосвязи явлений утопии и патернализма в истории аграрной России конца XVII – первой трети XX в. В данной статье, продолжая раскрытие темы исследования, автор обратит внимание на особенности эволюции утопических и патерналистских тенденций в советский и постсоветский периоды, а также обозначит возможные направления реализации потенциала патернализма и утопии в рамках современной отечественной модернизации. В результате заключается, что в контексте социокультурной ситуации в современной России патернализм и понимание верховной власти как главного гаранта безопасности и дальнейшего развития страны сохранились, а утопия как играющий важную роль феномен социокультурной и духовной жизни народа практически исчезла. Продуктивное возрождение утопических и патерналистских тенденций в развитии страны возможно при условии их живого сопричастия к вечным идеалам добра, красоты и социальной гармонии.

EN

Utopia and paternalism in agrarian Russia: Traditions and modernity. Part II: The 1930s – present day

Kozlov S. A.

Abstract. This paper is the second part of the publication: Kozlov S. A. Utopia and paternalism in agrarian Russia: Traditions and modernity. Part I: The late 17th century – the 1930s // Manuscript. 2023. Vol. 16. Iss. 3. In the first part, the author presented a detailed analysis of the relationship between the phenomena of utopia and paternalism in the history of agrarian Russia in the late 17th century – the first third of the 20th century. This work will pay attention to the features of the evolution of utopian and paternalistic tendencies during the Soviet and post-Soviet periods and also outline possible directions for realising the potential of paternalism and utopia within the framework of current modernisation in Russia. As a result, the author concludes that in the context of the socio-cultural situation in modern Russia, paternalism and the understanding of the supreme power as the main guarantor of security and further development of the country have been preserved, while utopia as an important phenomenon in the socio-cultural and spiritual life of the people has practically disappeared. A productive revival of utopian and paternalistic tendencies in the development of the country is possible provided their active connection with the eternal ideals of goodness, beauty and social harmony.

Введение

В предыдущей публикации (Козлов, 2023), посвященной раскрытию взаимосвязи утопии и патернализма в истории аграрной России, было уделено внимание следующим аспектам исследования: определена роль патернализма и утопии в сложной структуре хозяйственных и духовных ценностей россиян в дореформенный период (конец XVII в. – первая половина XIX в.), а также рассмотрена трансформация традиций патернализма в их связи с утопическими представлениями в период после отмены крепостничества и до 30-х гг. XX в.

Для продолжения исследования заявленной темы в данной части поставлены следующие задачи: 1) рассмотреть особенности эволюции утопических и патерналистских тенденций в советский и постсоветский период; 2) выявить возможные направления реализации потенциала патернализма и утопии в рамках современной отечественной модернизации.

Решение задач исследования стало возможным благодаря теоретической базе, представленной трудами, посвященными рассмотрению феномена утопии (Долгих, 2018; Каспэ, 2018; Луговая, 2017; Феномен утопии..., 2021; Чаликова, 1991; 1994).

Обсуждение и результаты

В 30-80-х гг. XX столетия для Утопии и Патернализма в контексте нашей темы была характерна следующая тенденция. Если Патернализм продолжал оставаться одним из центральных звеньев сельской жизни, зачастую даже играя в ней ведущую роль (в т. ч. в годы Великой Отечественной войны, когда решающее значение приобрели труд, вера и самопожертвование), то Утопия – нередко весьма талантливо и мощно – проявляла себя почти исключительно в сфере советской идеологии и официальной культуры (так, отметим огромную роль в советском кинематографе 30-40-х гг. XX в. (включая картины о счастливой сельской жизни в СССР) «музыкальной Утопии», – по образной оценке А. В. Бурдельной, созданной по принципу «управляемого коллективного сновидения» (2013, с. 88)). Так, ярко проявила себя советская массовая песня в качестве «универсального результата общественного запроса» (Я. В. Глушаков). Исключения были крайне редки; отметим, например, «грандиозную утопию Н. Заболоцкого» 1930-х гг., воплощённую в христианских категориях спасения и преображения (Кекова, 2016).

Деревня же никогда не питала иллюзий о своей жизни и судьбе. Эта тема нашла отражение и в современной поэзии: «Поставьте памятник деревне, / Чтоб показать хотя бы раз / То, как покорно, как безгневно / Деревня ждёт свой смертный час» (Николай Мельников); «Стены косые, дырявые крыши, / Там коротают последние дни / Те, чьи печали горьки и не / слышны / в мире огромном, одетом в огни» (Наталья Шухно); и др.

Тем не менее и здесь подспудно назревали перемены.

Сравним образы председателей колхозов в трёх советских кинофильмах. Это поможет нам лучше понять глубинную социокультурную эволюцию как Патернализма, так и Утопии и в ментальности деревенского населения, и в аграрной «глубинке» в целом.

Фильм «Председатель» (1964 г.). Его главный герой Егор Трубников (актёр Михаил Ульянов) – борец за лучшую крестьянскую жизнь, но вместе с тем человек «плоть от плоти» советского строя. Главный посыл фильма зрителю: самоотверженным коллективным трудом, однако под жёстким руководством председателя и опираясь на патерналистскую веру в него, можно добиться лучшей жизни. Элементы Утопии здесь прослеживаются, но слабо: «Светлое Завтра» коммунизма, которому верен Трубников, видится достижимым, но за счёт героических усилий народа и при этом с огромным трудом преодоления «родимых пятен» советской системы: бюрократизма, бездушия к людям, подавления пассионарной инициативы и др.

Фильм «Человек на своём месте» (1972 г.). Образ современного «прогрессивного» руководителя – молодого и энергичного «самовыводженца» на пост председателя колхоза Семёна Боброва (актёр Владимир Меньшов). На фоне резко возросшего (по мнению создателей фильма) благосостояния «рядовых» колхозников кипучая реформаторская деятельность главного героя видится во многом анахронизмом: идеалы коммунистической Утопии уже отошли на задний план в массовом сознании сельских жителей; патернализм как опора управления дал явный сбой; молодёжь массово покидает родные места, уезжая в города. За оптимизмом и главного героя, и картины в целом подспудно звучат тревожные ноты надвигающихся перемен и «звонки» скорого развала отживающей свой век колхозной системы.

Фильм «Следствие ведут знатоки. Он где-то здесь» (1982 г.). Неожиданный для советского кинематографа образ председателя подмосковного колхоза Ивана Никитина (актёр Борис Никифоров). Трагическая фигура жертвы Утопии – честного и порядочного в душе человека, пытающегося удержать колхозников (по сути, уже явных маргиналов, утративших любовь к родной земле) от бегства из местного хозяйства путём махинаций с фиктивной «мастерской народных промыслов». Тяжёлая картина деградации и колхозной жизни в целом, и нравственности многих оставшихся на селе людей – затронувшая и города, и веши «душевная коррозия» согласно меткому определению А. И. Демченко (2021а, с. 417) (вспоминается также комментарий Р. К. Щедрина к «Вечернему звону» из его «Российских фотографий» для струнного оркестра 1994 г.: «Печаль, далёкий перезвон полуразрушенных церквей... заросшие бурьяном деревенские кладбища, карканье ворон, людское безверие, запустение, смута на сердце...»). Полный крах Утопии и Патернализма в деревенской «глубинке» накануне крушения СССР. Характерные слова председателя в конце советского (!..) фильма в ответ на вопрос о том, как жить в этих условиях, – «Верой и надеждой...» – звучат (по Фрейдю!) как невольный приговор советскому аграрному строю, оказавшемуся нежизнеспособным... Явные «переклички» идей и катарсических прозрений (вспомним хотя бы «Прощание с Матёрой» В. Г. Распутина и хоровой концерт «Запечатлённый ангел» Р. К. Щедрина (2008)).

У проницательного зрителя кинокартины (мало-мальски знакомого с советской историей и верно Тراثдиции) возникала отчасти крамольная, но неизбежная для «брежневской эпохи» мысль: всё это – Божье наказание Системе и её вождям за грехи сталинской коллективизации, по сути, уничтожившей самую работоспособную и инициативную часть крестьянского населения страны.

Добавим, что именно в 1930-х гг. сформировался и резкий социокультурный разрыв между старым крестьянским миром и новым миром колхозной деревни, что трагично сказалось на судьбе как сельского социума, так и всей огромной державы.

В современной научной литературе отмечается: «...в сельском мире колхозных времён взвинченно, вибрирующе звучит тоска заброшенности, отрешённости, экзистенциального одиночества» (Виноградский, 2019, с. 230). К концу же советской эпохи эти мотивы явственно «перекликаются» с темой дисгармонии социума и личности: так, А. И. Демченко подчёркивает: «Дисгармония – вот что, вероятно, следует считать определяющим знаком тех десятилетий. Мир и человек, потерявшие точку опоры, несущиеся неизвестно

куда и зачем, в хаосе и смятении – такой образ не был редкостью и отмечал одну из крайних граней состояния личности и общества в целом» (2021b, с. 416).

Вместе с тем отмеченная тенденция удивительно и труднодостижимо сочеталась с прямо противоположной, а именно: с экзистенциально-метафизическим чувством «лёгкости бытия», которое пронизывало многие произведения искусства в последние десятилетия советской эпохи; характерные примеры – советский «экзистенциальный кинематограф» (С. П. Шлыкова) 1960-х гг. и поразительно полифоничные музыкальные произведения (как утверждал Ю. С. Каспаров, лучшие образцы советской музыки созданы отнюдь не по канонам соцреализма, а «есть некий конгломерат музыки, философии, литературы, театра и религии» (2014, с. 66). На наш взгляд, именно этот синкретизм позволял отчасти нивелировать (для «мейнстрима» слушателей) глубинную дисгармонию (и даже какофонию) утасующей советской Утопии).

При этом Утопия-Ностальгия (предтеча стержневой темы фильма С. С. Говорухина 1992 г. «Россия, которую мы потеряли») – катарсически-настойчиво напоминала о себе...

Что же касается социокультурной ситуации в современной России, то применительно к теме нашего исследования выделим главное: патернализм и понимание верховной власти в качестве главного (de facto единственного) гаранта безопасности и дальнейшего развития *сохранились* (о чём свидетельствует, в частности, устойчивый традиционно-патерналистский выбор огромной массы электората – представителей «среднего» и «пожилого» возрастов); утопия же (как отмечал Н. А. Хренов (2015), в первые десятилетия XX в. пронизывавшая все стороны жизни) – *почти полностью исчезла* как значительный социокультурный и духовный феномен (отдельные литературные изыскания, в том числе в жанре научной фантастики, скорее, исключение (Долгих, 2018)), но при этом в той или иной форме продолжая имманентно присутствовать в массовом сознании как напоминание об Абсолюте, стремлении к совершенной Гармонии духа и тела (Чаликова, 1994) («Русская душа всегда хотела верить в лучшее в человеке» (Свиридов, 2002, с. 95-96)) и отчасти «срачиваясь» с политехнологиями.

На первый взгляд, можно сделать вывод, согласно которому современный патернализм играет в основном *негативную* роль, препятствуя полноценной социокультурной (а порою, возможно, и политической) самореализации личности и социума. Пожалуй, политологические истоки такого подхода прослеживаются в категоричном русофобском выводе, сделанном в июле 2009 г. тогдашним вице-президентом США Джо Байденом о россиянах: «Они в ситуации, когда мир меняется, а они цепляются за что-то в прошлом, что уже нельзя удержать» (Цит. по: Ростовский М. Путин обезвредил Байдена // Московский комсомолец. 2021. 18 марта).

Однако, как нам представляется, и патернализм в качестве вполне типичного для России социокультурного явления, и ранее тесно связанные с ним элементы утопии несут с собою также безусловное *позитивное* начало. В условиях жёстких цивилизационных вызовов «эпохи постглобализма», сопровождаемых утратой Традиции как основы культурно-цивилизационного наследия человечества, а также активной пропаганды философии трансгуманизма, настойчиво предлагающей нам «цифровое бессмертие» (Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси, 2019), они приоткрывают для пассионарных групп нации уникальную возможность «ментальной перезагрузки» путём обращения к благодатной силе Традиции, всё еще отчасти сохранившей свой уникальный творческий потенциал. К тому же многие из современников, включая представителей научной интеллигенции России, попросту забыли (либо никогда и не знали), что именно традиции (ключевое системообразующее звено патернализма) обеспечивают продуктивную связь и преемственность поколений (приведём лишь один, но весьма показательный пример: как вспоминал музыкант, учёный и педагог А. С. Ярешко, его отец, С. Т. Ярешко, избранный председателем колхоза после войны, начал восстановление разрушенного хозяйства на Кубани... с создания станичного казачьего хора! (Михайлова, Бутенко, 2018, с. 3)), а следовательно, – функционирование культуры как таковой.

Возможно, именно обращение к позитивным сторонам российского патернализма позволит не только взглянуть на общенациональные социокультурные «плюсы» и «минусы» более критично и вместе с тем непредвзято, но и сосредоточиться на главных экзистенциальных вызовах эпохи – *на проблемах внутренней судьбы, исторической памяти; противоречивых, но созидательных интенциях Творчества*.

Такой выбор, во многом связанный с отказом от стереотипов как коллективизма, так и индивидуализма, с творческим и идеологически-непредвзятым использованием всего огромного социокультурного наследия человечества (включая труды И. А. Ильина, П. А. Флоренского, П. Тиллиха, К. Леви-Стросса, Ю. М. Лотмана, А. Я. Флиера и др.), с верой в традиционные ценности, крайне сложен, но жизненно необходим: дальнейшее движение по пути цифровизации и «оптимизации» социума губительно и для личности (прежде всего её «духовного здоровья»), и для страны, и для человечества в целом.

Что же касается литературных, кинематографических, театральных и телевизионных антиутопий (порою весьма популярных), то, по нашему мнению, на смену развлекающе-мрачным, «сумеречно-эсхатологическим» творческим проектам (рассчитанным в основном на склонную к футурологии и мистике молодёжную аудиторию) должны прийти интеллектуально-катарсические «светлые» утопии, обращённые к гуманистическим свойствам как человеческой души, так и национальной ментальности; к могучей энергии созидания и возрождения исторической памяти (характерный пример – фантастическая кинолента-утопия «Мы из будущего» 2008 г.).

Как точно подметил в одном из своих интервью в 2016 г. художник, писатель и аналитик П. В. Пепперштейн, продуктивна не установка на уничтожение (отрицание) Утопии либо Антиутопии, а «терапевтическое осмысление» того и другого явления (Павел Пепперштейн: «Я опираюсь на галлюцинации» // Jewish.ru. 08.04.2016. <https://jewish.ru/ru/interviews/articles/175573/>).

Выделим также подвижническую деятельность П. П. Гайдебурова в сфере театрального искусства первой половины XX в.: в ней ярко проявились как жизнеутверждающие черты Утопии, так и гуманистические идеалы православной Традиции (Стрельцова, 2009).

Общественная потребность в таких утопических работах (в основном светского характера) сегодня, безусловно, присутствует (Брушлинская Е. «Утопия» в Театре наций: место, которого нет. 2018. <http://localdramaqueen.moscow/2018/11/theatreofnations-utoria/>), хотя прагматичное мировосприятие, разумеется, преобладает.

Взглянуть на советскую Утопию не в контексте сентиментальной Ностальгии, а как на **Прошлое, отражающее «вневременное настоящее»** (А. Ю. Арьев о творческом подходе В. В. Набокова), на наш взгляд, гораздо более перспективно...

К современным «светлым» (информативным, позитивным и зачастую обладающим мощной энергетикой катарсического Очищения) утопическим гуманитарным проектам, на наш взгляд, относятся некоторые перспективные начинания отдельных подвижников-новаторов, как правило, частично либо полностью нереализованные (см., напр., о масштабном междисциплинарном проекте «Полимусейон» Ю. В. Линника (2018)). Вместе с тем подчеркнём, что утопический характер многие эти проекты приобрели отнюдь не ввиду своей изначальной неосуществимости на практике, а по иной причине: прежде всего из-за отсутствия эффективной поддержки со стороны как государства, так и общества. Таков печальный удел многих новаторов (в любые времена): так, Ю. В. Линник с горечью отмечал: «**Полимусейон** по сути – своеобразный храм Вознесения: он помогает подняться на предельные высоты. Подобного чуда больше нет на планете Земля. Но надо сделать поправку: чудо это – виртуальное. Мечтательное! Есть фонды – больше ничего. В течение многих лет я встречаю со стороны власти глухое непонимание и равнодушие. Доживу ли до воплощения своей идеи? Все в руке Божией» (2018, с. 169).

Утопия, ярко отразившаяся в России ещё в музыкальном творчестве начала XX в. (Луговая, 2017), начинает активно проявлять себя и в области современной музыкальной культуры. Отметим, в частности, музыкально-хореографическую постановку «Русь изначальная» 2020 г. на музыку красноярского композитора В. С. Кошелева. В то же время, на наш взгляд, создавая подобные проекты, необходимо по мере сил стремиться учитывать **всю противоречивую палитру** исторической и социокультурной жизни безвозвратно ушедших от нас миров прошлого (включая «идеологические коннотации» (М. Г. Раку) музыкальной памяти личности и социума), стремясь при этом музыкально воссоздать их **в контексте многовековой истории России** и используя научные методики, наиболее отражающие указанный подход (см., напр., об онтологической концепции музыкального искусства В. В. Медушевского в работах (Арсис, 2021; Королевская, 2022, с. 53-54); на наш взгляд, правомерно и частичное применение «метода Танеева»: от целого – к частному).

Отказ же от комплексного подхода в пользу «чистого творчества» (нередко сознательно противопоставляемого реальной истории) неизбежно приводит к **идеализации Минувшего** (в т. ч. традиций язычества) и «забвению» присущих ему жестокостей и насилий, что ярко проявилось и в проекте В. С. Кошелева «Русь изначальная» в сюите «Отзвуки язычества» (стимулом к её созданию стало знакомство автора с «Велесовой книгой» – памятником, который он сам признаёт поддельным и «фейковым»). Однако даже если исходить из того, что именно Миф создает Поэзию (Гудимова, 2018), вряд ли можно признать оптимальной (в т. ч. в нравственно-моральном контексте) ситуацию, когда светлое лирично-поэтическое начало в Утопии либо безоговорочно приносится в жертву иллюзорности Мифа, либо (как в этом в целом талантливом проекте В. С. Кошелева) превращается в ключевую доминанту, заслоняя собою многие противоречия Прошлого. Гармония (к которой всегда неудержимо стремится любая Утопия) – это отнюдь не выборочная «стилизация» Истории и Культуры, а прежде всего **катарсическое вдохновение, личная экзистенциальная сопричастность к великим стихиям Бытия** (включая духовное исцеление Красотою) при непрременном понимании и восприятии его как уникального взаимодействия сил Добра и Зла, Света и Тьмы, Силы и Милосердия (Ремезова, 2018).

Обращение того или иного творца культуры к язычеству, разумеется, вполне допустимо (ибо, как отмечал Камю, можно «отвергнуть любую историю, но жить при этом в ладу с морем и звёздами» (Камю А. Бунтующий человек. 1990. http://krotov.info/library/11_k/am/u_4.htm)), однако, на наш взгляд, наиболее плодотворно и духовно оправдано в контексте универсально-разностороннего, полифоничного видения Бытия в контексте понимания Творчества как «непрерывного напряжения между формой и материей» (Альбер Камю).

Применительно к XX столетию характерные примеры такого (либо близкого к нему) подхода, органично совмещающего методику «художника чувственного опыта» и «художника внутреннего опыта» (И. А. Ильин), – творчество философов И. А. Ильина, М. М. Бахтина, В. В. Налимова и В. С. Библера; мастеров русского слова И. А. Бунина и М. М. Пришвина, а также представителей «деревенской прозы»; композиторов С. В. Рахманинова, Г. В. Свиридова, В. А. Гаврилина, С. М. Слонимского, Е. В. Гохман и Э. В. Денисова; певцов И. С. Козловского, С. Я. Лемешева и Е. Е. Нестеренко; скульпторов С. Т. Конёнкова, Д. Ф. Цаплина и А. И. Руквишников (Бульчёва, 2022); художников К. А. Сомова, А. В. Харитонова и Д. В. Плавинского; применительно к концу XX – началу XXI в. выделим творчество Р. К. Щедрина, В. В. Медушевского, Е. Б. Долинской, А. Н. Пахмутовой, Е. В. Образцовой, Е. А. Камбуровой, Ю. С. Каспарова, М. Гагнидзе, а также Д. С. Лихачёва, С. В. Ямшикова и В. В. Личутина (список, разумеется, неполон).

Что же касается произведений В. С. Кошелева, то в других его работах (в т. ч. в литературно-музыкальной композиции-сюите «Зри в корень» и Первом концерте для домры с симфоническим оркестром) более сбалансированный подход, на наш взгляд, прослеживается вполне определённо.

«Современное человечество поистине выстрадало нормативность уважения к различиям. Особое значение она имеет для России с её конфессиональным, этническим и цивилизационным многообразием, –

подчёркивает А. В. Гордон. – Лишь признание разнородности исторических напластований обеспечивает в долгосрочной перспективе преемственность...» (2000, с. 27).

Подобная аксиологическая установка и в наши дни вполне отвечает не только традициям православной антропологии и общенациональной социокультурной стратегии на долгосрочную перспективу, но и новейшим научным изысканиям, всё активнее привлекающим в качестве одного из ведущих факторов развития личности иррациональные начала (Визгин, 2020).

Между тем, в отличие от коммунистической утопии, веру в которую утратили к концу «позднесоветской эпохи» не только сельские жители, но и представители городской интеллигенции СССР ((Каспэ, 2018); поэт Александр Страхов отмечал: «Дебри и топи дремучих утопий / Мы замостили телами своими»), историческая судьба оказалась гораздо более благосклонна к отечественному патернализму, который в современной России всё более укрепляет свои позиции. Так, именно патернализм *de facto* до последнего времени являлся основой экономической политики (аналитики всё чаще используют такой термин, как «постсоветский неопатримониализм»).

Существует и повсеместный массовый «запрос снизу» на традиционный патернализм в самых разных сферах деятельности (основанный также на патерналистско-конформистских жизненных ценностях); к тому же практика показывает, что без «лоббирования сверху» конкретные проекты в сфере хозяйства и социокультурного развития, как правило, оказываются нежизнеспособными.

Сохранили свою идейно-воспитательную значимость и опирающиеся на патернализм и православную веру педагогические концепции и методики (в т. ч. о соборности как основе уклада современной школы и патерналистском стиле педагогического общения) (Двинина-Мирошниченко, 2022, с. 153-154).

Государственный патернализм в современной России всё дальше отходит от зарубежного «либертарианского патернализма», и это позитивный сигнал: чаще, чем прежде, учитываются конкретные общенациональные и региональные потребности. В то же время Россия по-прежнему остро нуждается в более эффективной государственной поддержке села, основанной на продуктивном взаимодействии власти, аграрной науки и пассионарных сил на местах; на фундаментальной перестройке институциональной среды и повышении роли органов местного самоуправления.

В свою очередь, решение указанных проблем, на наш взгляд, позволит более прагматично реализовать «дремлющий» потенциал отечественного патернализма; максимально использовать собственные ресурсы, обеспечив тем самым меньшую зависимость от передовых зарубежных технологий.

Разумеется, необходимо максимально быстро освободить (где это ещё возможно) традиционный патернализм от негативных элементов, также присущих ему: от бюрократизма, чиновничества и др. Следует также решительно отказаться от ориентации на экстенсивные формы природопользования; к тому же именно она (в рамках масштабного крестьянского движения «за землю и волю») составляла в прошлом неотъемлемый элемент народных утопий, а в середине – второй половине XX в. привела к обострению экологических проблем в СССР.

В нынешних условиях резкого обострения глобального геополитического, культурно-цивилизационного и даже военного противостояния России с «коллективным Западом» роль патернализма как эффективного средства мобилизационно-патриотического сплочения общества резко возросла. Речь, разумеется, отнюдь не идёт о прежнем уповании на верховную власть как на непогрешимый и даже сакральный авторитет; имеется в виду иное – доверие к власти и вера в избранный ею стратегический курс, направленный на защиту жизни людей, традиционных культурных ценностей и государственной независимости.

Примечательно, что представители отечественного «сельского мира» зачастую понимают эту истину гораздо лучше многих горожан. *De facto* «архаичный» (прежде всего для либералов) патернализм выступает при этом как одна из ключевых опор патриотизма – деятельного и беззаветно-жертвенного служения Отечеству.

Очередная «реинкарнация» отечественного патернализма, впрочем, отнюдь не случайна: так, начиная с 2019 г. в России заметно укрепилась и патерналистская роль государства в решении насущных социальных проблем, что вполне соответствует ожиданиям и интересам подавляющего большинства населения страны.

Не следует забывать и об уроках Истории: именно с утратой традиционной патерналистской веры в правящего монарха Николая II в конце 1916 – начале 1917 г. – в решающий момент войны, когда победа была уже близка! – начался системный кризис Российской империи, переросший в революционную Смуту...

Возвращаясь к намеченным выше задачам в рамках современной отечественной модернизации, отметим, что их реализация (причём даже частичная), безусловно, придаст новый позитивный импульс хозяйственному и социокультурному преобразению огромных российских пространств, для целого ряда которых в настоящее время характерно состояние «социального опустынивания» (по меткому замечанию учёного-аграрника А. В. Петрикова). Что же касается их многострадальных обитателей, то в ситуации, когда идеологические догмы утратили своё доминирование в российской коллективной идентичности, элементы утопии в массовом сознании населения вновь смогут проявить себя лишь в контексте **реально повышения уровня жизни, создания возможностей для полноценной творческой самореализации** (в т. ч. путём конструирования новых «социальных лифтов» и преодоления негативных последствий эскапизма).

Современную гуманитарную науку также ожидает здесь огромное поле деятельности: необходимо разработать эффективные методики и механизмы коммуникации между властью и социумом (при условии реальной, а не декларативной поддержки со стороны самих властных структур), а также для активного привлечения к масштабным общенациональным проектам пассионарных групп молодежи, от которых в значительной степени зависит наше будущее.

Между тем современное российское «поколение Next» зачастую проявляет свою креативность не в качестве «экзистенциала бытия» (С. С. Ступин), а сугубо прагматически, ориентируясь прежде всего на материальный

успех и карьерные достижения (Широкалова, 2022). При этом, согласно результатам проведённого в марте 2022 г. социологического опроса, российские студенты, отвечая на вопрос, в какое историческое время они хотели бы жить, прежде всего выбрали *современность* («Сейчас и только сейчас»), на втором месте – *будущее* («Лет через 20-30, когда вырастет новое поколение»), а на третьем – что особенно интересно – оказалась... *самодержавная эпоха* («В дореволюционной Российской империи»), что, по мнению исследователя Г. С. Широкаловой (2022, с. 289-290), продемонстрировало отсутствие у студентов знаний о реальном историческом времени; преобладание у них не только клипового мышления, но и представления об имперской России на основе образов, созданных *политиками, СМИ, кинематографом*. Характерно, однако, что на проверочный вопрос: «Представителями какой социальной группы были ваши предки до революции 1917 г.?» – так и не смогли ответить... 68,7% опрошенных студентов! (Широкалова, 2022, с. 290).

На наш взгляд, материалы этого опроса свидетельствуют и о том, что «певцы соблазна и смуты» (И. А. Ильин) пока сохраняют своё растлевающее влияние на юные умы и сердца «эпохи постглобализма», для которых патернализм – уже архаика; что «ностальгическая Утопия», однако, ещё жива, причём и в молодёжной среде, казалось бы, имеющей сейчас все возможности для получения самой разнообразной исторической информации (отметим в связи с этим вышедшую в 2022 г. фундаментальную книгу историка М. А. Давыдова с символическим названием «Цена утопии. История российской модернизации»).

Ещё в августе 1917 г. П. Б. Струве, С. Л. Франк и другие либералы, объединившиеся в «Лигу русской культуры», призвали молодёжь страны примкнуть к делу возрождения русского национального самосознания. Однако эти призывы оказались изначально утопичны, принимая во внимание совершенно иные идейно-нравственные ориентиры подавляющей части молодёжи страны. Сегодня ситуация во многом иная, однако по-прежнему необходимо провести огромную работу по возрождению *деятельного патриотизма* в отечественной молодёжной среде.

Что же касается других нерешённых задач в контексте настоящей темы, то многое предстоит сделать в таких перспективных научных направлениях, как аграрная социология, социальная семиотика и антропология цифровизации; в разработке действенной методологии социального регулирования.

Необходимо также учитывать, что некоторые ключевые аксиологические установки российского «генетического кода» (включая глубинную экзистенциальную потребность в поиске ответов на метафизические вопросы Бытия и нравственный максимализм) смогли сохраниться и в современной национальной ментальности (см., напр., о самоидентификации студентов по показателю патриотизма в работе (Широкалова, 2022, с. 295)), что позволяет нам со сдержанным оптимизмом и надеждой (надеемся, при этом отнюдь не утопичной) смотреть вперед, *сохранив укоренённость в Традиции*, Веру как «живую первооснову» (И. А. Ильин) всей человеческой культуры, установку на *творческий синтез традиций и новаций* (Демченко, 2021с).

В. А. Чаликова, которая внесла огромный вклад в разработку целого ряда связанных с феноменом Утопии проблем, отмечала: «Хотим мы того или нет, утопия присутствует в нашей жизни как взгляд в лучшее будущее или память о лучшем прошлом – без этого человек перестаёт быть человеком» (1991, с. 211).

Вспомним и мудрое замечание К. Ясперса: «Подражать тому, что некогда было великим, невозможно. Однако сравнение ситуации позволяет ощутить, какое душевное беспокойство сегодня уместно и какой покой душа может искать» (1991, с. 403). Важен и его вывод, касающийся «веры в тотальное планирование» и имеющий, на наш взгляд, непосредственное отношение к современным попыткам ностальгической идеализации советской Утопии: «...человек, обращаясь к утопии тотального, пытается скрыть от себя, что же действительно происходит в рамках целого, чтобы в узкой сфере доступных ему целей совершать то, что поручено ему властью. Однако иллюзорность подобной позиции должна когда-нибудь ему открыться. <...> То, что он, заблуждаясь, считал успехом, было лишь приближением к катастрофе» (Ясперс, 1991, с. 204). Невольно вспоминается здесь замечание Г. В. Свиридова (сделанное ещё в 1975 г.!) о повседневной (видимой) жизни (социокультурной советской действительности) как постоянной привычной лжи...

Обратим также внимание на весьма примечательный вывод, сделанный в ходе анализа эволюции электронной музыки во второй половине XX – начале XXI в. (касающейся темы утопии) и опирающийся на научные разработки американского исследователя Фредрика Джеймисона: утопия предстаёт в качестве ключевого условия не создания образа идеального будущего, а предлога для того, чтобы «указать на невозможность его достижения в нынешний момент», тем самым стимулируя пассионарные творческие усилия и позволяя «в полной мере оценить противоречия нашей современности», а значит – сделать свободный выбор, обретая «такой образ настоящего, который оставляет выбор грядущего за нами» (Былина Е. Конец утопии. 2019. http://web.archive.org/web/20190828122627/www.colta.ru/articles/music_modern/22232-konets-utopii).

С. А. Гудимова, К. В. Душенко и С. Я. Левит подчёркивают: «Утопическая мысль по-прежнему плодотворна, её питают социальная критика, экологическая этика и религиозный экуменизм, но в сознании читателей и исследователей всё большее место начинает занимать цельный, живой, непосредственный утопический образ, как это было во времена Свифта и Уэллса» (Феномен утопии..., 2021, с. 5).

Что же касается продуктивного возрождения патернализма (с созидательными элементами утопии, в т. ч. в контексте её творческой реинтерпретации), то ему препятствует то обстоятельство, что до сих пор в современной России так и не решена (в т. ч. и на уровне массового сознания, и в междисциплинарной научной сфере) одна из важнейших задач – выработка чётко определённой, аргументированной, а главное, адекватно отвечающей вызовам времени позиции по вопросу национальной самоидентификации. От этого гражданского выбора (который заметно активизировало масштабное и трагичное военно-геополитическое

противостояние в рамках специальной военной операции Российской Федерации 2022-2023 гг. по защите национальных интересов нашей страны и мирного населения Донбасса), вероятно, и будет зависеть судьба отечественного патернализма, в основе которого, как уже нами отмечалось, находятся евразийские культурно-цивилизационные доминанты, связанные прежде всего с отношением к Власти (Боханов, 2002; Хренов, 2020).

На наш взгляд, необходимо также отказаться от утопических надежд части сограждан на богатейшие природные ресурсы России: именно наличие огромных запасов нефти и газа, будучи основой экономики, вместе с тем многие годы ограничивало темпы отечественной модернизации, ибо гасило иные стимулы роста. «Наше несравненное богатство – не нефть, золотой век которой короток, а земельный капитал, достояние Великой России, – подчёркивал незаурядный аграрник-подвижник Ю. М. Лужков. – <...> Продовольствие в отличие от углеводородов – возобновляемый ресурс. Это достояние нации на тысячелетия. <...> Мне любя идея Одноэтажной (усадебной) России, а не мегаполиса-муравейника, в который хотят превратить Белокаменную, растянув её протяжённость чуть ли не до Калуги. Не дальнейшая безумная урбанизация-американизация, а возврат на ниву – от Вологды до Оренбуржья и Минусинска – вот путь возрождения страны» (Черных Е. Юрий Лужков: «Россию можно быстро сделать сытой и богатой» // Комсомольская правда. 2016. 22 декабря. <https://www.spb.kp.ru/daily/26623.4/3640973/>). Утопия? Отнюдь, – упущенный (причём всеми нами, а не только «властями») перспективный путь развития державы...

Заключение

Как будет развиваться ситуация в дальнейшем – покажет уже ближайшее будущее, однако в условиях непредсказуемо извилистого и одновременно необычайно динамичного пути «птицы-тройки» – нашего великого Отечества – Утопии (которая ярко реализовала себя в России XX в. как в консервативной, так и в футуристической своей ипостаси (Хренов, 2015, с. 172)), возможно, ещё представится очередной исторический шанс вновь занять достойное место в российской духовной культуре, выступив уже не как «продукт мифотворчества» и сомнительный результат партократической социальной инженерии, а в качестве живого сопричастия к вечным идеалам Добра, Красоты и Социальной Гармонии; противодействия лукавым соблазнам новейших технократических теорий, киберутопий и трансгуманизма...

Источники | References

1. Арсис: сб. ст. и мат. в честь Вячеслава Вячеславовича Медушевского / Московская государственная консерватория имени П. И. Чайковского, кафедра теории музыки; ред.-сост.: А. А. Амрахова. М.: Московская консерватория, 2021.
2. Боханов А. Н. Самодержавие. Идея царской власти. М.: Русское слово, 2002.
3. Булычёва Е. И. Языческие мотивы в творчестве скульптора А. И. Рукавишника // Вестник Саратовской консерватории. Вопросы искусствознания. 2022. № 1 (15).
4. Бурдельная А. В. Музыка в советском кинематографе первой половины XX столетия // Человек. Культура. Образование. 2013. № 2 (8).
5. Визгин В. П. От пирамид к сельве: западная мысль в поисках идентичности. М. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020.
6. Виноградский В. Г. «Деревня» и «сельский мир»: сходство и несовпадение // Пути России. Границы политики: сб. ст. XXV междунар. симпозиума / под общ. ред. М. Г. Пугачёвой. М., 2019.
7. Гордон А. В. Архетипы российской власти // Куда идёт Россия?: власть, общество, личность: междунар. симпозиум (г. Москва, 17-18 января 2000 г.). М., 2000. Вып. VII.
8. Гудимова С. А. Поэзия рождена мифом // Культурология. 2018. № 4 (87).
9. Двинина-Мирошниченко Н. Е. Православная духовная музыка и её иконозначимость в контексте культуры современной России. М.: АЛЬПЕН-ПРИНТ, 2022.
10. Демченко А. И. Модерн III (вторая половина XX века) – магистрали художественного творчества // Манускрипт. 2021а. Т. 14. Вып. 3.
11. Демченко А. И. Музыкальное искусство России начала XX века: полюсы // Манускрипт. 2021б. Т. 14. Вып. 10.
12. Демченко А. И. «Это было раненое сердце..»: к 200-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. Очерк второй // 2021с. Т. 14. Вып. 12.
13. Долгих А. Ю. Утопия и Антиутопия. Пути развития русской научной фантастики в XX в. Вятка: Радуга-ПРЕСС, 2018.
14. Каспаров Ю. С. «..И – я композитор!». М.: Музиздат, 2014.
15. Каспэ И. В союзе с утопией. Смысловые рубежи позднесоветской культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
16. Кекова С. В. Метаморфозы христианского кода в поэзии Н. Заболоцкого и А. Тарковского. Саратов: Саратовская государственная консерватория имени Л. В. Собинова, 2016.
17. Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Мы стоим перед лицом жёстких цивилизационных изменений в современном мире // Журнал Московской Патриархии. 2019. № 3 (928).

18. Козлов С. А. Утопия и патернализм в аграрной России: традиции и современность. Часть I: конец XVII в. – 30-е гг. XX в. // Манускрипт. 2023. Т. 16. Вып. 3.
19. Королевская Н. В. Слово и музыка: онтологические основы смыслообразования: дисс.. д. иск. Саратов, 2022.
20. Линник Ю. В. Полимусейон (концепция – структура – перспектива) // Эко-потенциал. 2018. № 2 (22).
21. Луговая Е. К. Синтез искусств как эстетическая утопия революции // Вестник Академии Русского балета им. А. Я. Вагановой. 2017. № 4 (51).
22. Михайлова А. А., Бутенко А. Н. Учёный, педагог, президент АКИР // Камертон. 2018. № 106.
23. Ремезова И. И. Милосердие как социокультурный феномен // Культурология. 2018. № 4 (87).
24. Свиридов Г. Музыка как судьба. М.: Молодая гвардия, 2002.
25. Стрельцова Е. И. Театральная утопия Павла Гайдебурова // Театр. Живопись. Кино. Музыка: ежеквартальный альманах. 2009. № 4.
26. Феномен утопии в общественном сознании и культуре: сб. науч. тр. / ИНИОН РАН; ред.-сост.: С. А. Гудимова. М.: ИНИОН РАН, 2021.
27. Хренов Н. А. Субкультурные картины мира в российской цивилизации. М.: Юрайт, 2020.
28. Хренов Н. А. Утопический комплекс русского искусства первой половины XX в.: от авангарда к византийской традиции // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 1.
29. Чаликова В. А. Утопия и свобода: эссе разных лет. М.: Весть, 1994.
30. Чаликова В. Идеологии не нужны идеалисты // Завтра: фантастический альманах. 1991. Вып. 2.
31. Широкалова Г. С. Идеалы поколения «дедов». Насколько они близки современным студентам? // XV Плехановские чтения. Советский Союз в геополитических условиях 1927-1941 гг.: проблемы, цели и результаты в области внутреннего и внешнеполитического курсов строительства государства: мат. к междунар. конф. (г. Санкт-Петербург, 23-25 сентября 2022 г.) / под ред. Т. И. Филимоновой. СПб., 2022.
32. Щедрин Р. К. Автобиографические записи. М.: АСТ, 2008.
33. Ясперс К. Смысл и назначение истории / пер. с нем. М.: Политиздат, 1991.

Информация об авторах | Author information

Козлов Сергей Алексеевич¹, д. ист. н.
¹ г. Москва

Kozlov Sergey Alekseevich¹, Dr
¹ Moscow

¹ sa-kozlov@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Статья опубликована в двух частях. Часть первая: Козлов С. А. Утопия и патернализм в аграрной России: традиции и современность. Часть I: конец XVII в. – 30-е гг. XX в. // Манускрипт. 2023. Т. 16. Вып. 3. <https://doi.org/10.30853/mns20230044>

The article has been published in two parts. Reference of the first part: Козлов С. А. Утопия и патернализм в аграрной России: традиции и современность. Часть I: конец XVII в. – 30-е гг. XX в. // Манускрипт. 2023. Т. 16. Вып. 3. <https://doi.org/10.30853/mns20230044>

Дата поступления рукописи (received): 16.08.2023; опубликовано online (published online): 06.10.2023.

Ключевые слова (keywords): взаимосвязь утопии и патернализма; советская утопия; современная отечественная модернизация; продуктивное возрождение патернализма; место утопии в российской духовной культуре; relationship between utopia and paternalism; Soviet utopia; current modernisation in Russia; productive revival of paternalism; place of utopia in Russian spiritual culture.